

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–18243 от 30 августа 2004 г.

Учредитель:

Некоммерческое партнерство «Издательский Дом “Просвещение”», 117042, г. Москва, ул. Южнобутовская, д. 45

Издатель:

© **Издательский Дом «Панорама»**
127015, г. Москва, Бумажный проезд,
д. 14, стр. 2, подъезд 3, а/я 27
http://www.panor.ru

Президент ИД «Панорама» — Председатель
Некоммерческого фонда содействия раз-
витию национальной культуры и искусства
К.А. Москаленко
Генеральный директор ИД «Панорама»
Г.К. Москаленко

Издательство «Наука и культура»

127015, г. Москва, Бумажный проезд,
д. 14, стр. 2, подъезд 3, а/я 27
Тел. 8 (495) 274–2222 (многоканальный)
E-mail: a.ashokov@panor.ru

Журнал распространяется через подписку.
Оформить подписку с **любого месяца** можно:

1. На нашем сайте **panor.ru**;
2. Через нашу редакцию по тел. **8 (495) 274-2222** (многоканальный) или по заявке в произвольной форме на адрес: **podpiska@panor.ru**;
3. По официальному каталогу Почты России «Подписные издания» (индекс — П7255);
4. По «Каталогу периодических изданий. Газеты и журналы» агентства «Урал-пресс» (индекс на полугодие — 46310).

Отдел рекламы:

Тел.: 8 (495) 274–2222 (многоканальный)
E-mail: reklama@panor.ru

Дизайнер-верстальщик: Вадим Сачков

Корректор: Елена Свирина

Подписано в печать 25.11.2024 г.

Отпечатано в типографии ООО «Типография “Принт Формула”», 117437, Москва, ул. Профсоюзная, д. 104. Установочный тираж 3700 экз.
Цена свободная.

Приглашаем авторов к сотрудничеству.
Научно-практические и методические статьи публикуются в журнале на безгонорарной основе.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Агошков Андрей Валерьевич — кандидат философских наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**И РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Окорочков Александр Васильевич — доктор исторических наук, первый заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, действительный член Академии военных наук, действительный член Русского географического общества, член-корреспондент Международного комитета по подводному культурному наследию

Содержание

Contents..... 948

ДЛЯ ЧЕГО СУЩЕСТВУЕТ ПОВЕСТВОВАНИЕ?

Власова Е.А. Чеховский интертекст в повести Алексея Толстого

«Эмигранты» **951**

В статье исследуется чеховская традиция в повести А. Толстого «Эмигранты». Чеховские претексты реализуются на нескольких уровнях — мотивном и образном — через галерею женских образов, синонимичных чеховским трем сестрам в пьесе, а также с помощью использования концепта чеховской усадьбы из «Вишневого сада». Функция чеховских претекстов в повести А. Толстого «Эмигранты» двоякая.

Леонов И.С. Мотивы поиска и обретения дома в прозе И.С. Шмелева

и В.Н. Лялина 956

В статье на материале рассказов «Христово Всеночная» И.С. Шмелева и «Рождество Христово на разъезде 809» В.Н. Лялина рассматриваются роль и специфика мотивного комплекса «поиск/обретение дома». На основе проведенного исследования выявлено, что данные образы у обоих авторов воспринимаются в контексте теоцентричной, точнее, христоцентричной картины мира. Образ дома раскрывается в парадигме «Отчество стрелное — Отчество Небесное». В обоих произведениях возникает амбивалентный образ «дом при дороге», который является пограничным с точки зрения социальных, исторических и духовных параметров и сочетает в себе как признаки обездоленности и бездомности, так и черты временного пристанища, приюта, походного храма.

Розин В.М. Сквозь завесу детектива Александры Марининой

«Иллюзия греха» **966**

Предметом исследования является, с одной стороны, художественная реальность романа Александры Марининой «Иллюзия греха», с другой — анализ особенностей российской жизни 1990-х гг., представленных сквозь призму этого романа. Автор сомневается, что это произведение можно полностью подвести под понятие детективного жанра, поскольку фоном идут описание и осмысление жизни России того времени. Сравнение «Вишневого сада» Чехова и «Иллюзии греха» позволяет сформулировать гипотезу о характере российской социальности.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Докучаев И.И., Соколов А.М. Актуальность концепции

культурно-исторических типов в современной России 976

В статье рассматривается проблема моделей исторического процесса, показана роль ценностей как стабилизирующей силы каждого периода истории и научно-технических открытий как динамической силы, определяющей смену эпох. Предлагается модель, соединяющая принципы цивилизационного и формационного подходов к истории, в которой локальные цивилизации можно было бы считать способом протекания истории вплоть до начала третьей глобализации — эпохи Возрождения, научно-технические достижения которой позволили объединить мир в одну экономическую систему.

Лашенко С.К. Механизмы самопознания и самопрезентации

творческой личности в пространстве культуры:

к постановке проблемы 993

В статье рассматриваются особенности феноменов самопознания и самопрезентации в мемуарных памятниках творческих личностей. На примере русского культурного наследия первой половины XIX в. анализируются феномен эго-литературы и жанры, его представляющие: дневники, записки, автобиографии, воспоминания и пр. Дается обзор факторов, способствовавших формированию специфического подхода

Докучаев Илья Игоревич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологии, профессор, действительный член РАО, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный артист Российской Федерации, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Злотникова Татьяна Семёновна — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член РАЕН, директор научно-образовательного центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, действительный член РАЕН, ректор Московского гуманитарного университета

Ионесов Владимир Иванович — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Самарского государственного института культуры

Кондаков Игорь Вадимович — доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета

Костина Анна Владимировна — доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, декан факультета философии, культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Кузнецова Татьяна Фёдоровна — доктор философских наук, профессор, действительный член МАНПО, председатель Научно-методического совета по культурологии Министерства образования и науки Российской Федерации

Марков Александр Петрович — доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Маслеников Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН

Мосолова Любовь Михайловна — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Новичков Николай Владимирович — доктор экономических наук, советник министра культуры Российской Федерации

Пonomareva Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Рыбак Кирилл Евгеньевич — доктор культурологии, советник министра культуры Российской Федерации

Спивак Дмитрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Западного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор Московского

WHAT IS THE PURPOSE OF STORYTELLING?

Vlasova E.A. Chekhov's intertext in Alexei Tolstoy's story "The Emigrants" 951

Tradition in the story by A. Tolstoy "The Emigrants". Chekhov's pretexts are realized on several levels — motivic and figurative — through a gallery of female images synonymous with Chekhov's "Three Sisters" in the play, as well as through the use of the concept of Chekhov's estate from "The Cherry Orchard". The function of Chekhov's pretexts in A. Tolstoy's novella "The Emigrants" is twofold.

Leonov I.S. The motives of searching and finding a home in the prose of I.S. Shmelev and V.N. Lyalin 956

The article examines the role and specificity of the motivational complex search/finding a home based on the stories "Christ's Vigil" by I.S. Shmelev and "Christmas at the 809 junction" by V.N. Lyalin. Based on the conducted research, it was revealed that these images are perceived by both authors in the context of a theocentric, more precisely, a christocentric picture of the world. The image of the house is perceived in the paradigm of the earthly Fatherland — the Heavenly Fatherland. In both works, an ambivalent image of a house by the road arises, which is borderline in terms of social, historical and spiritual parameters and combines both signs of destitution and homelessness, as well as features of a temporary shelter, an asylum, a marching temple.

Rozin V.M. Through the Veil of Alexandra Marinina's Detective "The Illusion of Sin" 966

The subject of the study is, on the one hand, the artistic reality of Alexandra Marinina's novel "The Illusion of Sin", and on the other hand, an analysis of the features of Russian life in the 1990s, presented through the prism of this novel. The author doubts that this work can be fully classified as a detective genre, since the background is a description and comprehension of life in Russia at that time. A comparison of Chekhov's "The Cherry Orchard" and "The Illusion of Sin" allows us to formulate a hypothesis about the nature of Russian sociality.

THEORY QUESTIONS

Dokuchaev I.I., Sokolov A.M. The relevance of the concept of cultural-historical types in modern Russia 976

The article examines the problem of historical process models, shows the role of values as a stabilizing force of each period of history and scientific and technological discoveries as a dynamic force determining the change of eras. A model is proposed that combines the principles of civilizational and formational approaches to history, in which local civilizations could be considered a way of history until the beginning of the third globalization — the Renaissance, the scientific and technological achievements of which made it possible to unite the world into one economic system.

Lashchenko S.K. Mechanisms of self-knowledge and self-presentation of creative personality in the space of culture: towards the formulation of the problem 993

This paper is devoted to the topic of self-knowledge, self-esteem and self-presentation and their role in memorial literature of creative persons in the first half of 19th century. Using the examples of the Russian cultural heritage of the first half of the 19th century, the phenomenon of ego-literature and the genres that represent it (diaries, notes, autobiography, memories, etc.) are analyzed. An overview is given of the factors that contributed to the formation of the specific approach of writers, playwrights, artists, musicians to the creation of memories.

DOI 10.33920/nik-01-2411-04

УДК 008

Актуальность концепции культурно-исторических типов в современной России

The relevance of the concept of cultural-historical types in modern Russia

© **Докучаев Илья Игоревич,**

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0506-2927

Dokuchaev I.I.,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department

of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University

E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru© **Соколов Алексей Михайлович,**

АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского».

Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15, литера А.

E-mail: docentsokolov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3947-5666

Sokolov A.M.,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy

and Philosophy of History, Saint Petersburg State University;

Head of the scientific project, Russian Christian Academy for Humanities

named after Fyodor Dostoevsky

E-mail: docentsokolov@yandex.ru

Статья поступила 11.10.2024.

В статье рассматривается проблема моделей исторического процесса, показана роль ценностей как стабилизирующей силы каждого периода истории и научно-технических открытий как динамической силы, определяющей смену эпох. Предлагается модель, соединяющая принципы цивилизационного и формационного подходов к истории, в которой локальные цивилизации можно было бы считать способом протекания истории вплоть до начала третьей глобализации — эпохи Возрождения, научно-технические достижения которой позволили объединить мир в одну экономическую систему. Показана предыстория глобализации — ее ранние версии: политическая (формирование древних империй с единым государственным устройством и различными культурами в их составе) и религиозная (формирование надгосударственных региональных мировых религий с единой культурой в разных частях соответствующего региона). В статье говорится о роли России в этом процессе. Показаны основные свойства четырех этапов аксиогенеза ее культуры: принятие христианства, формирование единого государства, европейская модернизация, создание социалистического общества. Рассмотрены основные проблемы конструирования тезауруса современной культуры России: аксиологический абстракционизм, аксиологическое идолопоклонство и аксиологический антиисторизм. Показаны основные формы взаимодействия

современной России с Востоком и Западом в контексте аксиогенеза России. Выделено три негативных аспекта этого аксиогенеза в отношении с Западом: демонизация, заставляющая отказаться от понимания степени неизбежности модернизации; изоляционизм, заставляющий отказаться от сотрудничества с Западом; наконец, ресентимент, заставляющий отказаться от понимания природы собственных проблем. Выделено три негативных аспекта аксиогенеза России в отношении с Востоком: ангелизация Востока, провоцирующая отказ от понимания реального содержания восточных культур и прежде всего их зависимости от Запада; недооценка восточных угроз российской безопасности; наконец, отказ от понимания того, насколько восточные культуры чужды для российской культуры. Утверждается, что в условиях глобальных проблем современности, порожденных капиталистическим способом производства, только социализм способен остановить непрерывное движение мира к катастрофе. Опыт социализма в СССР вместе со всеми его негативными аспектами должен быть учтен и стать основой для формирования будущего тезауруса российской культуры.

Ключевые слова: Россия, Восток, Запад, социально-экономические формации, цивилизации, ценности, научно-технический прогресс, глобализация.

The article examines the problem of historical process models, shows the role of values as a stabilizing force of each period of history and scientific and technological discoveries as a dynamic force determining the change of eras. A model is proposed that combines the principles of civilizational and formational approaches to history, in which local civilizations could be considered a way of history until the beginning of the third globalization — the Renaissance, the scientific and technological achievements of which made it possible to unite the world into one economic system. The prehistory of globalization is shown — its early versions: political (the formation of ancient empires, with a single state structure and various cultures in its composition) and religious (the formation of supranational regional world religions, with a single culture in different parts of the corresponding region). The article discusses the role of Russia in this process. The main properties of the four stages of axiogenesis of its culture are shown: the adoption of Christianity, the formation of a single state, European modernization, the creation of a socialist society. The article examines the main problems of constructing a thesaurus of contemporary Russian culture: axiological abstractionism, axiological idolatry, and axiological anti-historicism. The article shows the main forms of interaction between contemporary Russia and the East and the West in the context of Russia's axiogenesis. Three negative aspects of this axiogenesis in relation to the West are highlighted: demonization, which forces one to refuse to understand the degree of inevitability of modernization; isolationism, which forces one to refuse to cooperate with the West; and finally, resentment, which forces one to refuse to understand the nature of one's own problems. Three negative aspects of Russia's axiogenesis in relation to the East are highlighted: angelization of the East, which provokes a refusal to understand the real content of Eastern cultures, and above all, their dependence on the West; underestimation of Eastern threats to Russian security; and finally, a refusal to understand how Eastern cultures are alien to Russian culture. It is argued that in the context of the global problems of our time, generated by the capitalist mode of production, only socialism is capable of stopping the world's continuous movement toward catastrophe. The experience of socialism in the USSR, together with all its negative aspects, must be taken into account and become the basis for the formation of a future thesaurus of Russian culture.

Key words: Russia, East, West, socio-economic formations, civilizations, values, scientific and technological progress, globalization.

1. ЦЕННОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Исходная предпосылка аксиологии заключается в том, что ценность есть проекция социально ориентированной субъективности человека в исторический процесс. Иными словами, ценность есть способ организации деятельности человека, связанный с социально приемлемыми моделями оценки мира и

целями его преобразования. Такая модель всегда локализована в пространстве и времени, поскольку она выражает конкретный смысл человеческого творчества, уникальности и свободы, проистекающий из природы рационально обоснованного выбора того или иного поступка. Субъективность человека в ее социальном плане не равна видовому опыту животного или конкретного индивида, ее жизненный цикл продолжается меньше первого и больше второго, но он всегда имеет начало и конец. В этой связи можно утверждать, что никакие ценности отдельно взятого индивида, как правило, не влияют на исторический процесс, а также что никаких общечеловеческих ценностей никогда не существовало и они вряд ли возможны в будущем, что всякая традиция имеет начало и конец, а также изменяется. Описание исторического процесса в целом должно учитывать этот фактор. Однако его недостаточно для построения концептуального единства хроноструктуры истории культуры. Необходимо, кроме ценностной идентичности, учитывать интеграционные тенденции, взаимовлияние культур друг на друга.

Известный спор о преимуществах цивилизационного и формационного подходов связан именно с этой коллизией. Совершенно очевидно, что цивилизации и культуры существуют, что они обладают уникальными ценностными моделями, посредством которых воспроизводятся и развиваются. Однако не менее очевидно и то, что в ходе этой эволюции осуществляются многочисленные диффузии, иногда не ограничивающиеся простыми заимствованиями, а переходящие в глубокие изменения и сближения ценностных моделей самых разных культур и цивилизаций. В рамках цивилизационного подхода радикальной версией оказывается концепция замкнутого локально-исторического типа, который никак не связан с другими типами и обладает в лучшем случае только структурной (циклической) аналогией с ними, включающей, например, периоды становления, такие как рождение, расцвет и гибель. Такого рода структура свидетельствует о смешении исторического и органического и совершенно не соответствует реальности, в которой расцвет может оказаться гибелью, а может и не наступить вовсе, а гибель может длиться намного больше рождения и расцвета, так что бывает сложно сказать, произошла она или нет. Как определить, погибла ли, скажем, греческая культура или персидская или она продолжает существовать и сегодня, когда был их расцвет и рождение, можно ли считать древний и современный Египет хоть как-то связанными друг с другом культурами и т.д. Нет никаких точных критериев для построения жесткой модели жизненного цикла культуры по аналогии с жизненным циклом животного или растения.

С другой стороны, попытки выстроить историю культуры человечества в единую линию, в которой все отдельные регионы и эпохи — лишь варианты какой-то одной схемы развития с ее этапами и свойствами, также обнаруживают неприемлемые аспекты. Невозможно говорить, что культуры, которые никак не взаимодействовали, обладали одним и тем же ценностным содержанием, функционировали и развивались по одним и тем же моделям. В концепции Н.Я. Данилевского, включающей закон, согласно которому начала одного культурно-исторического типа не передаются другому, содержится явное противоречие, ибо, помимо этого закона, имеются еще и законы взаимовлияния культурно-исторических типов друг на друга, описывающие самые разные процессы, от поверхностных заимствований (прививок) и вплоть до синтеза оснований

(характерного для многоосновных типов)¹. В концепции же К. Маркса древневосточные культуры так и не нашли соответствующего места, ибо не подпадали под характеристики ни рабовладельческой, ни феодальной формации². Пришлось создавать концепцию азиатского способа производства, в самом понятии которого содержалась уже иная концептуальная схема, чем в основной концепции. Если в концепции социально-экономических формаций решающим элементом выступали производственные отношения, то азиатский способ производства оказался цивилизационно (регионально и ценностно) обусловленным типом строя. Формационный подход есть пример недопустимой редукции локального к универсальному, тогда как цивилизационный — пример редукции обратного типа. Необходим разумный синтез этих моделей, снимающий все противоречия и недоразумения, содержащиеся в каждой из них.

Успешным синтезом формационной и цивилизационной моделей, который позволяет избежать их противоречий, является концепция истории Карла Ясперса³. Его идея осевого времени не может быть принята без оговорок, но она имеет заслуживающий внимания смысл. Согласно этой схеме, вся история человечества распадается на два ключевых периода: до оси истории и после нее. Время оси: VIII–IV вв. до н.э. Именно тогда рождаются пророки и философы, которые предопределили содержание ключевых религиозных и интеллектуальных традиций различных регионов мира. Подобная схема не выдерживает критики. Во-первых, к числу ключевых фигур, определивших историю человечества, можно отнести и другие имена, которые принадлежат совершенно иным эпохам. Например, Христос или Магомет, Коперник или Ньютон, Маркс или Эйнштейн, жившие после осевого времени, определили и свою эпоху, и последующие времена не менее существенно, чем пророки и философы осевого времени. Во-вторых, оси исторического времени вполне можно обнаруживать и без их зависимости от каких-либо имен. Например, такой осью вполне были неолитическая революция (в результате которой возникла цивилизация) или языковой Рубикон (в результате которого возникла культура), промышленная революция (в результате которой началась модернизация) или информационная (в результате которой начался процесс виртуализации культуры). Однако если уж искать какую-то ключевую структурную складку истории, то на нее может претендовать прежде всего эпоха Возрождения в Италии (причем Карл Ясперс обращает на это внимание в своей хроноструктурной схеме истории, несмотря на то что его осевое время определено совершенно иначе). Именно с нее начинается отсчет рационализации культуры и совершенно особый тип глобализации, разделивший историю человечества на эпоху традиций и эпоху инноваций (традиционную культуру с ее локальными ценностно обусловленными вариантами и креативную культуру с ее модернизационной глобализацией).

Все, что известно нам о ценностных ориентациях людей и культурной идентичности до эпохи Возрождения, можно обозначить как эпоху господства локальных культур. Это значит, что глобализационные процессы, вызванные различными способами взаимодействия людей, не приводили к распространению

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Британское владычество в Индии. Будущие результаты Британского владычества в Индии // Избранные произведения. — М.: ОГИЗ, 1948. — С. 303–316.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

какой-либо одной системы ценностей настолько, что она начинала бы претендовать на универсальное доминирование. Всегда находились такие регионы мира, в которых сохранялась существенная аксиологическая автономия. К числу как природных, так и культурных законов относится стремление претендующей на доминирование популяции или общности захватить и подчинить как можно больше пространства и его обитателей. Это стремление ограничивается только сопротивлением других участников конкуренции и собственными ресурсами. В природе это могут быть представители собственного вида и конкурирующих, а также условия среды обитания, которые не позволяют распространяться виду в силу недостаточности его адаптационных ресурсов. В культуре это может быть мужество защитников территории проживания, на которую посягает агрессор, а также отсутствие материальных ресурсов, позволяющих контролировать тот или иной регион (как это, например, произошло в ходе роста Римской империи, коммуникационные возможности техники которой начиная с III в. н.э. перестали позволять ей дальнейшее распространение господства как на запад, так и на восток, как на юг, так и на север). Природных ограничений для экспансии человека почти никогда не существовало.

В эпоху локальных культур также наблюдается постоянное стремление одной из них вовлечь в орбиту своего влияния своих соседей. Это привело к двум волнам ограниченной (локальной) глобализации: политической и религиозной. Великие политические империи прошлого возникали в результате насильственного захвата территорий в той мере, в которой пассионарность их жителей и материальные ресурсы позволяли их контролировать (таковы Ассирия, Персия, Македония и Рим). Однако эта глобализация была поверхностной и не приводила ни к каким серьезным аксиологическим ассимиляциям. Ценности входящих в империю народов оставались безразличными друг к другу, и в лучшем случае возникали синтетические химеры вроде кратковременных религиозных культов эпохи эллинизма. Никакого подлинного единства ценностных ориентаций объединенных в политическую империю культур не возникало. Политическая глобализация, кроме того, всегда имела крайне ограниченный (локальный или региональный) характер в силу того, что не выходила за рамки одного государства. И хотя такое государство часто претендовало на мировое господство, всемирных империй человечество так никогда и не узнало.

Тем не менее на излете существования традиционных культур возникла иная форма глобализации — средневековые мировые религии, включающие в единый культурный ареал самые разные аксиологические модели, возникшие в разных регионах и у разных народов. Христианство объединило античную культуру, ближневосточную и западноевропейскую. Ислам — тюркскую, арабскую и персидскую. Буддизм — китайскую, индийскую, юго-восточную азиатскую и японскую. Мировые религии были не эклектическими культурами, они самым глубинным образом трансформировали экзистенциальные ценности человека, превратив его тезаурус в подлинное единство, тотально определяющее все сферы жизни и деятельности. Однако сам факт наличия нескольких локальных вариантов средневековых культур, а также территорий, на которые они не смогли распространиться, свидетельствует о том, что глобализация этого типа также не стала универсальной. Распространение мировых религий продолжалось вплоть до начала промышленной революции, да и потом не было

завершено, поэтому такого рода процесс все еще не может считаться полностью исчерпанным (о чем свидетельствует бурный рост ислама в XX и XXI вв.).

И вот в конце XIII в. в Италии начался процесс, который впервые привел человечество к единству, причем не только поверхностному и случайному, например технологическому. Этот процесс можно назвать универсальной глобализацией, имевшей относительный успех. К концу XX в. коммуникативный инструментарий этой глобализации привел к тому, что ни один регион земного шара не остался в стороне от ее влияния. Все ценностные ориентации самых разных культур подверглись существенным трансформациям. А вслед за ценностными трансформациями унифицировались и другие стороны человеческой культуры, прежде всего материальная. В одежде, кухне, медицине, жилищном строительстве, проектировании ландшафтов, домашней утвари, орудиях труда, образовании, системах управления и коммуникации, искусстве и научном знании, то есть фактически во всех сферах культуры, можно обнаружить решающие для объяснения их сути сходства, характерные для всех регионов мира. Такой тип глобализации можно назвать модернизационным (экономическим и научно-технологическим). В основе этой модернизации лежат непрерывный процесс рационализации культуры и практическая ориентация на повышение материального благосостояния людей и качества их жизни.

Рационализация универсализирует то, что подвергается ее влиянию. Ее суть в формализации любых качественных различий, в опоре на позитивистские формы опыта, в стремлении к утилитарному и ориентированному на экономический рост производству самых разных артефактов культуры. Эти аспекты рационализации приводят к тому, что различия между региональной спецификой результатов человеческой деятельности нивелируются. Рационализация приводит к росту секуляризации культуры и атеизму, росту прагматизма и потребительского отношения к жизни, увеличению роли науки в аксиологических системах общества и культуры. Она является также основой формирования идеологии прав человека, справедливого распределения благ и равенства возможностей каждого иметь доступ к тем или иным карьерным позициям в производственных иерархиях, занятых решением тех или иных экономических задач; демократизации политических институтов и социальной поддержки различных нуждающихся групп населения. Свобода средств массовой информации, разделение и независимость ветвей власти, политическая конкуренция оказываются не только следствиями рационализации, но и условиями роста экономического могущества и политического влияния того общества, которое располагает этими инструментами.

Именно западные страны, включая европейские и североамериканские государства, оказались прежде всего тем регионом, в котором началась модернизационная рационализация культуры, и именно они стали источником ее глобализации. Это привело уже к середине XIX в. к экономическому и политическому доминированию в мире стран соответствующего региона. Такое доминирование включало самые разные методы и формы, от мягких до жестких. Речь идет, с одной стороны, о торговых отношениях, обмене достижениями в сфере материальной и духовной культуры, распространении стандартов качества жизни и высокотехнологичной продукции, а с другой — об эксплуатации ресурсов и населения менее развитых регионов, вплоть до уничтожения их

культуры и обращения их населения в рабство. Процессы рационализации и потребительского природопользования привели не только к колониализму, но и к глобальным проблемам человечества, таким как загрязнение окружающей среды и истощение ее невозобновляемых ресурсов, угрозе выхода из-под контроля тех или иных технологических достижений, которые представляют опасность для человечества, включая оружие массового поражения и возможные мировые войны на истребление всего живого, демографический кризис, чреватый нехваткой продовольствия и пандемиями.

В сложившейся ситуации необходимо различать две важнейшие стороны этого процесса. Первое — это аксиологически нейтральная рационализованная культура, которую можно использовать вне зависимости от того, какие аксиологические процессы вызвали и продолжают вызывать ее к жизни (в этом легко убедиться, посмотрев на то, как распространен по всему миру автомат Калашникова, им пользуются и мусульмане, и социалистически ориентированные бойцы). Второе — это распространение аксиологических моделей доминирующей западной культуры путем их экономического и иного навязывания другим регионам. Обе стороны взаимосвязаны и имеют негативные и позитивные аспекты. Именно рост рационализированной культуры приводит к росту материального благосостояния человека и увеличению качества его жизни в XX в. Но он же приводит и к глобальным проблемам человечества, которые начинают приобретать катастрофический характер необратимых изменений. Именно ценности, связанные с правами человека и социальной справедливостью, приводят к формированию социальных условий для успешной рационализации и экономического роста. Но они же оказываются способом колониализации культур и обществ других регионов, приводящей к уничтожению их культурной идентичности, природных и социальных ресурсов.

Можно ли говорить, что этот процесс приведет к вытеснению западными формами культуры всех остальных, что доминирование Запада будет усиливаться и станет абсолютным, что рационализация в конце концов нивелирует все различия и установит царство экономического утилитаризма и потребительских ценностей? Я полагаю, что нет. Важнейшим препятствием, которое совершенно неустранимо для завершения рационализации культуры в подобном направлении, является уже упоминавшаяся выше социально ориентированная субъективность человека. Сложно делать прогнозы в условиях, в которых человечество еще никогда не находилось, но если природа человека не будет принципиально изменена, если он не превратится в машину, действующую по определенным программам, и сохранит свою свободу, сохранятся и культурные различия, сохранятся и ценностные модели, порождающие эти различия. Однако это многообразие ценностей действительно находится под угрозой, оно требует усилий для своего сохранения, и если их не предпринять, гарантировать что-либо нет никаких оснований. Как необходимы усилия по сохранению экологии природы, так необходимо сохранять и культуру в той мере, в какой она обеспечивает права человека на уникальность, свободу и творчество. Ценностные ориентации, поддерживающие культуру в форме традиций ее воспроизводства, конечно, имеют ограниченный во времени срок существования, но им на смену должны приходить новые традиции, а не безликий универсальный инструмент управления такой же массой неспособных ни к каким творческим достижениям людей. Уничтожение ценностных идентичностей — такой же путь к

тоталитарным террористическим режимам, как и политический изоляционизм с его культом осажденной крепости и внешних врагов.

Многогранная сложность отношения к современным формам рационализации и доминирования западной культуры должна быть не упрощена, а осознана во всей ее глубине. Речь должна идти не об отказе от технологий, идей, достижений, а о творческой переработке того, что может способствовать собственному развитию. Речь должна идти о создании равновеликой культуры, способной использовать модернизацию в своих целях, способной создать альтернативу и выдержать конкуренцию с западными формами культуры, способной уберечь от всех негативных последствий чужого доминирования. Изоляционизм, отрицание полезного опыта, игнорирование важнейших достижений, а тем более разрушение модернизированной культуры, отказ от современных технологий в пользу каких-то мифических ресурсов традиции приведут только к проигрышу в международной конкуренции и к необратимой деградации вплоть до потери той самой ценностной идентичности и основанной на ней оригинальной культуры, которую стремятся сохранить сторонники изоляционизма.

Российская история последних лет свидетельствует о сложном процессе поиска самоидентичности и о том, что роль западной культуры в структуре этой идентичности либо переоценивается, либо недооценивается. Эти крайности должны быть преодолены. Идеалы социальной справедливости, права человека, традиции создавать собственные формы социальной и культурной жизни — все это вполне можно и нужно принять как ценные и необходимые аспекты организации нашего будущего. Конкуренцию с претендентами на мировое господство нельзя выиграть, отказавшись от технологий, образования и науки, от экономического роста и инноваций. Именно они сегодня лежат в основе любого потенциально эффективного стремления к самосохранению. Разрушение же этих сфер приведет к неминуемому поражению и гибели. Рост наукоемкой культуры и высокотехнологичной экономики нельзя остановить, поэтому его нужно обязательно сделать частью собственного проекта культуры, способной стать основой для создания ценностной модели мира, приемлемой и привлекательной как для собственных людей, так и для жителей других стран и регионов мира.

В эпоху политической глобализации основными ценностными моделями ее успешных субъектов были мужество воинов, талант полководцев, политическая воля к власти и непрерывному ее распространению; в эпоху религиозной глобализации — харизматичность лидеров, вера неопитов и апологетов и политическая воля к непрерывному распространению учений и основанной на них практики общежития верующей общины; в эпоху модернизационной глобализации — стремление к наживе и повышению качества жизни, талант и творчество ученых и технологов, труд многочисленных рабочих и служащих по внедрению инноваций, потребительская мода. Именно поэтому образование, наука, инновационные технологии становятся ключевым инструментом доминирования, а условия свободы политической и экономической конкуренции, творчества и исследования, выстроенная в этом контексте система социального управления дополняют этот инструмент и сообщают ему возможность наиболее эффективного применения. Рационализация культуры, вызванная к жизни этими инструментами, неизбежно становится универсализирующим аксиологическим процессом.

Можно уверенно сказать, что любая культура, и в том числе западная, не просто меняет мир в ходе этой универсализации, но и меняется сама. Меняется в направлении глобальной унификации, предсказанной еще К.Н. Леонтьевым и удачно определенной с помощью понятия «вторичного смесительного упрощения». В этой связи возникает ряд проблем, которые необходимо решить, и вопросов, на которые необходимо ответить. Первый комплекс проблем и вопросов сводится к следующим: насколько те процессы аксиогенеза, которые наблюдаются сегодня на Западе, оказываются следствием его традиционных ценностей, а также насколько они представляют собой лишь результат модернизации? От ответа на этот вопрос зависят многие решения, связанные с формированием стратегий культурного строительства незападных регионов мира. Если то, что происходит, неизбежно для всех, можно говорить о необходимости коррекции самой модернизации; если это лишь западное явление, можно принять гораздо больше модернизационных стратегий, чем в первом случае. В этом последнем — позитивно модернизационном — сценарии открывается и перспектива сохранения собственной культурной идентичности, несмотря ни на какие глобализационные и универсализирующие тенденции развития.

Вторая проблема — это проблема границ сохранения самих ценностных идентичностей. Сегодня имеется опыт ряда регионов, в которых аксиологическая идентичность сохраняется, несмотря на активно развивающуюся модернизацию. Так, например, страны исламского мира смогли полностью сохранить решающую роль ислама, но вместе с тем они развивают свою науку, образование и наукоемкие технологии (ОАЭ, Катар, Турция и др.). Ряд стран продолжают сохранять социалистические ценности и вместе с тем активно модернизируются (как это происходит, например, в Китае или КНДР). Можно, конечно, говорить, что достигнутые успехи недостаточны и вторичны. По крайней мере ни одной из этих стран не удалось достичь безоговорочного лидерства. Однако следует оценить этот опыт и внимательно наблюдать за перспективами его развития. Существует опыт более успешного синтеза: Япония, Южная Корея, Сингапур. Эти страны добились значительных результатов в сфере инновационных технологий, таких, которые позволяют говорить о том, что многие достижения даже копируются западными технологическими системами. Но и здесь можно отметить ряд существенных проблем. В частности, проблему той же самой потери национальной идентичности, которая характерна для наиболее модернизированных регионов.

Я полагаю, что негативные сценарии модернизации еще можно успеть скорректировать до того, как глобальные проблемы человечества, вызванные ею, приведут к катастрофе. Конечно, в этом должна помочь сама модернизация с ее новыми технологиями. Но не меньшую роль будут играть аксиологические системы отдельных культур, которые сохраняют экологический потенциал и способность к самосохранению.

2. ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК И ТРЕТЬЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Россия — одна из величайших стран, культура и цивилизация которой имеют мировое значение. Давайте коротко проанализируем ключевые компоненты этого значения. Выше уже был кратко охарактеризован исторический процесс

как смена фаз становления единого человечества в ходе стремления той или иной цивилизации или культуры к доминированию над своим окружением и — в перспективе — над всем миром. В этом процессе обнаруживается диалектика взаимообусловленности ценностей и технологий, аксиологического и научно-технического компонентов культуры, в которой первый аспект играет роль стабилизирующей силы исторической динамики, а второй аспект играет роль динамической силы. История России оказывается результатом сложного взаимодействия ее культуры с западными и восточными культурами. В ходе становления российской культуры осуществляется выработка ключевых элементов ее тезауруса — ценностей, выступающих идеалом для дальнейшего исторического бытия. Четвертая фаза этого становления делает российский ценностный мир культурой мирового уровня. Рассмотрим последовательно ряд вопросов, относящихся к этой концепции: концепцию четырех этапов становления тезауруса российской культуры, вопрос о существовании концепции традиционных ценностей, проблемы взаимоотношений российского тезауруса с западным и восточным и, наконец, перспективы российской культуры в ее мировом измерении.

Как уже было показано выше, доминирование одного общества над другим или одного государства над другим — желанная цель многих таких институтов и коллективов. Достижение этой цели приводит к распространению влияния победителя, или к глобализации. Первая версия такой глобализации — политическая империя (военная сила и политическое единство). Такая глобализация опирается на военную силу, в результате применения которой возникают политические структуры — империи, — включающие в свой состав победителей и побежденных. Синтез культур и образование какого-либо единого цивилизационного пространства в таких структурах невозможны. Ни Ассирия, ни Персия, ни Греция, ни Рим не стали новыми культурами, на пространстве этих империй сформировался эклектичный хаос различных ценностных тезаурусов. Вторая версия — мировая религия (вера и региональное единство). Такая глобализация связана с распространением между различными государствами единой культуры, основанной на ценностях религиозного мировоззрения. Межгосударственный, то есть региональный, характер такой культуры свидетельствует о том, что возникающая в таком контексте система ценностей приводит к реальному единству людей, опирающемуся на веру в те или иные религиозные смыслы, как это произошло в буддистских, исламских и христианских регионах мира. Вместе с тем этот же региональный характер мировых религий (противоречащий сути такого определения) лишает их возможности претендовать на глобальное значение. Наконец, третья версия — мировое разделение труда (наука, технологии, экономический рост). Эта форма глобализации имеет более поверхностный характер, чем вторая, но зато более универсальный, чем предыдущие. Именно третья глобализация достигает общепланетарных масштабов, унифицируя самые разные регионы мира. Вопрос о том, каковы границы этой унификации, остается открытым. Важно подчеркнуть, что научно-технический прогресс всегда был ключевой динамической силой истории, приводя в движение самые консервативные и стабильные (холодные) культуры. Именно технические открытия изначально придавали динамику традиционным культурам, а затем в союзе с наукой сформировали всю современную экономику непрерывного роста потребления.

Русская культура — замечательный предмет исследования для аксиолога и культуролога. Эта культура очень пластична и конструктивна, ее важнейшие формы и свойства всегда были результатом политической воли того или иного лидера. Если у него была идеологическая программа, достойная не только России, но и мира, российский народ с энтузиазмом брался ее воплощать. Политическое насилие, которое подкрепляло этот энтузиазм, лишь преодолевало социально-психологическую индифферентность и никогда не вызывало какого-либо решительного протеста. Люди шли за своим лидером, совершенно искренне веря в его идеалы и принимая их за свои собственные. Россия за свою историю прошла четыре основных этапа, в каждом из которых создавалась ключевая ценность русской культуры, на основе чего менялись ее суть и значение, вплоть до всемирного. Киевский — формирование христианской культуры. Московский — формирование централизованного государства. Петербургский — научно-технологическая и экономическая модернизация. Советский — формирование идеи справедливого общества.

Сначала Киевский князь Владимир Святой благодаря принятию христианства определил суть и ключевой вектор развития отечественной культуры, положив начало формированию русской нации вокруг ключевых ценностей христианской мировой религии. Ценность личного спасения, посмертной благодати, обретаемой соборно, в церковном богослужении всей жизнью, — вот важнейший тезаурус этой эпохи. Затем Московский князь и царь всея Руси Иван Грозный создал русскую государственность, завершив формирование комплекса необходимых атрибутов цивилизации периода традиционной культуры. Державность, стремление к расширению необъятных просторов контролируемой территории, подчиненных единой вертикали власти, возвышенной настолько, что только Бог оказывается более существенной сферой ценного для человека, — таков тезаурус этой эпохи. Император Петр Великий включил Россию в процесс западной модернизации, научно-технологического и экономического развития и становления креативной культуры. Ценности разума, творческого преобразования мира, конкуренции с лучшими образцами и достижениями европейской цивилизации, достигшей наивысших форм развития к тому времени, — таков тезаурус этой эпохи. В.И. Ленин придал этой модернизации оригинальный российский смысл — всемирное стремление к построению справедливого и разумного общества без войн и эксплуатации. Социальная справедливость как основа мирового господства трудящихся над результатами своего труда и орудиями производства, неотчуждаемая и достойная человеческой природы жизнь каждой личности — таков тезаурус этой эпохи.

Исходя из этой концепции российской истории можно выделить четыре ключевых основания и идеала российской цивилизации: христианская вера, закон и свобода, разум и развитие, социальная справедливость и самоограничение. Я не буду вдаваться в подробности реальной истории каждого из отмеченных этапов аксиогенеза России, ибо идеалы и реальность часто, а точнее говоря, всегда и везде далеки друг от друга; можно даже говорить о провале некоторых проектов, о чрезмерной негативности последствий достижения некоторых результатов. Главное в настоящем разговоре — понимание сути анализируемого аксиогенеза, его важнейших целей (идеалов) и конструктивных механизмов их достижения. Более подробный анализ, конечно, неизбежно

коснулся бы отмечаемых интервалов и негативных последствий, в результате чего можно было бы даже попытаться объяснить те или иные неудачи и предложить более оптимальные пути и проекты дальнейшего аксиологического конструирования.

Современная политическая повестка тоже учитывает эту особенность российской культуры, я имею в виду ее проекционную пластичность. Проекты идеологических конструкций продолжают создаваться и претендуют на то, чтобы в ходе своего воплощения приобрести реальное значение для российского общества. Однако энтузиазма они вызывают немного. Перечни предлагаемых традиционных ценностей имеют существенные концептуальные изъяны и проблемы, из которых необходимо указать три главных:

— Аксиологический абстракционизм — отрыв ценностей от культуры и формализм их содержания. Ценности — сердце культуры, но сердце вне организма мертво и сухо, оно производит отвратительное впечатление, будучи отторгнутым от единства тела. Следует рассматривать ценности как идеалы эпохи, реализованные в конкретных артефактах культуры, ее социальных институтах, произведениях искусства, религиозных практиках, материальных достижениях, выдающихся личностях. Ценности — это не изолированные концепты вроде справедливости или жизни, а развернутые концепции, определяющие существо понимания справедливости и жизни, понятых как ценные сущности или процессы. Жизнь — вообще не ценность, это процесс, в основе которого биологические и химические законы, направленные на сохранение организма от разрушения, восполнение затраченной на это сохранение энергии, и более того — углеродная основа жизни — часть неорганической природы, так что разговор о первой невозможен без разговора о последней, и совершенно не ясно, распространяется ли при этом ценностное отношение к одной сфере на другую. Конечно, жизнь может приобрести ценность, но она всегда будет различной в разное время и в разных местах. Для средневекового христианина жизнь ценна как подготовительный этап перед переходом в посмертное состояние, которое может оказаться благодатью или, наоборот, духовным страданием. Для средневекового буддиста жизнь вообще лишена ценности и является носителем страданий, старения и смерти, которые необходимо преодолеть и оказаться в мире нирваны, полностью отличающемся от жизни. Даже современная культура не наделяет жизнь ценностью настолько, чтобы относиться к ней как к цели. Жизнь стала сегодня источником ресурсов для наслаждений, она лишь инструмент ничем не ограниченного потребления.

— Аксиологическое идолопоклонство — забвение других сторон культуры и прежде всего научно-технического прогресса. Именно научно-технический прогресс создает сегодня условия для сохранения цивилизации и ее ценностей в ходе третьей глобализации. Об этом я уже упоминал выше. Технологии и ценности являются двумя важнейшими детерминантами исторического процесса, причем первые выступают в роли динамической силы, а вторые — стабилизирующей. Недооценка первых чревата не просто ошибкой в теоретическом описании истории, она является угрозой исторического отставания и даже гибели той культуры, в которой эта ошибка стала основой социально-экономической и культурной политики. Недооценка ценностей, характерная для исторического материализма, теперь превращается в ее переоценку, а

переоценка производственных сил и производительных отношений теперь превращается в их недооценку.

— Аксиологический антиисторизм — отрицание развития и сменяемости различных тезаурусов. Ценности меняются и приобретают новые концептуальные измерения. Традиция имеет начало и конец, она не является синонимом вечности. Когда мы говорим о традиционных ценностях, мы, конечно, можем иметь в виду и современные традиции, но чаще всего речь идет о какой-то странной конструкции, в которой ценности прошлого, полностью утратившие сегодня какое-либо значение, соединяются с ценностями сегодняшнего дня. При этом исследование ценностных ориентаций с целью выявления ценностей сегодняшнего дня не проводится, ценностные ориентации просто конструируются и входят в состав новейших идеологий, приобретающих характер культурной политики и образовательного стандарта. Отрыв таких конструкций от реальности чреват их игнорированием и дистанцией между реальным и декларируемым содержанием ценностных ориентаций общества. Конечно, природа аксиогенеза в России отличается именно политическим конструктивизмом, и такие дистанции неизбежны. Они выявляются для любых этапов истории человечества, однако дистанции могут быть короткими и длинными. Но главное — отношение политических лидеров к декларируемым ценностям должно быть убедительным и исполненным подлинного энтузиазма. Любая фальшь в таком процессе обрекает проект на неминуемое поражение. Когда в середине 1970-х гг. был принят «Кодекс строителя коммунизма», его активное внедрение в культурную политику и воспитательную практику сопровождалось значительными усилиями государства по получению эффективного аксиологического результата. Вместе с тем этот кодекс совершенно не учитывал реальное положение дел в тезаурусе советского человека, а деятельность элит больше не вызывала никакого доверия в обществе, в результате он был воспринят как не имеющая отношение к смыслу жизни людей декларация, а в ряде случаев и как жупел, вызывающий только скуку, иронию и даже откровенное неприятие.

Теперь имеет смысл вернуться к известной дихотомии Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», последняя часть которой сегодня чаще всего определяется словом «Запад». Каков сегодня смысл этого противопоставления? Как уже говорилось выше, Запад начиная с эпохи Возрождения в Италии является доминирующей культурой в силу научно-технологического и экономического превосходства над остальными регионами мира. Это доминирование он почти всегда обращал в свою пользу, нанося вред тем странам, которые попадали в сферу его влияния (хотя справедливости ради необходимо указать и на то, что это влияние не ограничивалось только вредом, пользы было гораздо больше). Но именно заимствование и развитие достижений Запада позволяет другим странам конкурировать с ним и бороться за сохранение собственной культуры. В контексте конкуренции и борьбы с Западом, которая разворачивается сегодня и в которую активно вовлечена Россия, необходимо принимать во внимание ряд факторов:

— Запад — неоднородная культура, имеющая разные аксиологические основания (Средневековье, Ренессанс, Новое время, позитивизм, модернизм). Запад неоднороден и регионально. Разговор о Западе не должен превращаться в демонизацию Запада и конструирование его как исключительно негативный опыт. Я уже писал, что эволюция Запада может оказаться облигаторным

результатом научно-технического прогресса. Ответ на вопрос о степени этой облигаторности пока еще слишком рано давать. Вместе с тем еще недавно казалось, что сомневаться в ней не приходится. Но именно поэтому не следует делать ошибки, заключающейся в том, чтобы дать противоположный ответ на обсуждаемый вопрос. Если сегодня кажется, что Запад находится в состоянии кризиса, то пока еще рано делать выводы и о том, что, с одной стороны, такого же кризиса можно какими-то усилиями избежать и что, с другой стороны, этот кризис имеет фатальный характер. Еще раз повторю, поскольку это самое важное. Вопрос о том, насколько все то, что сегодня происходит в сфере культуры и общества на Западе, есть обязательное следствие научно-технической и экономической модернизации, до сих пор остается открытым.

— Запад сегодня стал не только жупелом, он превратился в способ переложить на другого ответственность за собственные действия. Фактически демонизация Запада превратила его в синоним зла и фантазм, не имеющий никакого отношения к реальности. Но главное негативное следствие этого не в том, что мы перестаем понимать, что такое Запад. Главное в том, что мы перестаем понимать самих себя. Попытки объяснить собственные неудачи за счет другого очень опасны, ибо закрывают возможности понимания внутренних ресурсов развития и подлинных препятствий для осуществления успешной конкуренции с Западом. Такого рода проблема характерна для ресентиментальных ценностных систем. Внутри западного общества она уже сыграла свою разрушающую роль. Все, о чем предупреждал Ницше, сбылось. Плебеям удалось навязать патрициям комплекс вины и убедить их согласиться с собственным уничтожением. Эта игра на понижение, конечно, приведет и тех, и других к гибели. Задолго до того, как погибнет последняя жертва, погибает любой хищник. Однако если говорить о международных отношениях такого рода, то есть о ресентиментальной позиции одних стран по отношению к другим, — чаще всего это приводит к войне, в которой никогда не побеждает тот, кто пытается самоутвердиться за счет других и не стремится разобраться во внутренних причинах собственных проблем.

— Запад сегодня все еще самый главный конкурент и источник культуры. На фоне современной глобализации можно с уверенностью констатировать провальность любого изоляционизма. Западные научно-технологические открытия продолжают играть важнейшую роль в успешном исходе конкуренции за глобальное доминирование. Нельзя также не понимать, что социальная организация и система управления на Западе имели ключевое значение в истории его научно-технологических успехов, что качество жизни, достигнутое благодаря этим успехам, остается образцом для других регионов мира. Изоляционизм и оборона никогда не приводят к успеху так, как это было бы возможно в результате успешной конкуренции с Западом. Необходимо еще раз подчеркнуть, что технологические достижения Запада невозможны без соответствующей социально-экономической и политической надстройки, они не копируются без той системы управления обществом, в которой технологии выступают лишь последним звеном длинного процесса, состоящего из уважения к правам человека, социальной справедливости, равенства всех перед законом, демократического контроля общества над государством, рационального содержания политической идеологии и многого другого.

Теперь следует поговорить и о дихотомии «Россия и Восток», которую Н.Я. Данилевский совершенно справедливо не определил как важнейшую в своей концепции исторического процесса. Конечно, Восток был и остается для России источником ее религиозного самоопределения. Однако сегодня он играет роль такого же, как и Россия, конкурента Запада. В этой связи необходимо выделить ряд проблем, которые России предстоит решить.

— Восток сегодня является и конкурентом, и сателлитом Запада, то есть он одновременно вынужден копировать западные образцы и вместе с тем создавать условия для сопротивления западной экспансии. Восток не может быть однозначным союзником России в силу того, что у него есть собственные интересы, а также в силу того, что эти интересы в разных регионах Востока разные. И, наконец, в силу того, что Запад остается очень привлекательным для Востока источником различного рода научно-технологических и экономических ресурсов и стандартов, ждать от Востока солидарности в том, чтобы беззаветно бороться с Западом, не приходится. Вряд ли можно в ближайшей перспективе прогнозировать роль смены лидера мировой глобализации, но и в этом случае Восток не стал бы ангелом, пришедшим на смену демону. Поскольку проблема неизбежности западного пути не является до сих пор решенной, а кризис западного мира не представляется непреодолимым, следует опасаться ошибочного выбора.

— Вместе с тем Восток не только не союзник России, но он остается одной из самых страшных угроз поглощения России в случае снижения уровня ее обороноспособности. Восток является угрозой национальной безопасности, и это необходимо понимать. Демографический кризис России последних тридцати лет уже привел к тому, что Дальневосточный регион нашей страны подвергся самой значительной депопуляции за всю историю страны. Угроза утраты этих территорий и распада государства особенно остро ощущается на фоне роста китайской экономики и населения Поднебесной. Рост исламского фундаментализма и террористические акции, совершаемые исламистами, тоже не могут не настораживать. Имеются и другие причины того, что проблема очередного идолопоклонства и ангелизации Востока должна быть поставлена всерьез. Восток нельзя не рассматривать как конкурента России. Проблема идолопоклонства перед Западом не должна решаться за счет смены идолов и фантомов. Это лишь усугубляет проблему поиска собственных путей исторического развития.

— Наконец, уже упоминавшаяся ангелизация Востока сродни демонизации Запада. Эта ошибочность связана с такой же иллюзией в отношении Востока, с конструированием Востока без достаточного понимания того, что он собой представляет на самом деле. Русская культура в значительной мере западная, на Востоке у нее гораздо меньше родного и понятного. Переориентация на Восток может привести не только к забвению Запада, но в гораздо большей мере и к забвению самого себя, к разрушению того, что давно стало частью русской культуры. Так, например, переориентация современной гуманитарной науки на мифические восточные образцы приведет лишь к тому, что эти образцы будут сконструированы и превратятся в те же самые оторванные от действительности декларации, о которых уже говорилось выше. Вместе с тем реальная история современных гуманитарных наук на Востоке и в России пронизана западным влиянием уже настолько, что выделить этот западный компонент так, чтобы не утратить оставшееся как целое и оригинальное, уже не получится. И здесь

опять-таки возникает вопрос о том, насколько этот компонент сам остается западным, не превратился ли он уже в универсальное интеллектуальное средство, производное от уровня рационализации культуры, достигнутого в условиях научно-технического прогресса последних двух столетий.

Теперь главное и заключительное замечание: Н.Я. Данилевский предсказывал России самое светлое будущее, заключающееся в том, что ее культура разовьет все присущие мировой культуре начала (станет первым и единственным четырехосновным культурно-историческим типом, обладающим и религиозной, и промышленной, и правовой, и научной, и художественной частью культуры в самом совершенном варианте). И хотя он не допускал влияния одной культуры на другую, этот синтез вряд ли возможен без учета достижений других культур. Сегодня у России все еще сохраняется огромный потенциал, но не следует рассматривать его как дилемму: либо перспектива развития государства-цивилизации, либо глобализация. Я бы сформулировал суть нашего будущего так: без первого невозможно второе, но и без второго невозможно первое. Можно «плестись в хвосте истории», отставая и догоняя ее лидеров, выступая то на стороне одного лидера, то на стороне другого, но можно самому быть лидером и привлекать на свою сторону союзников и попутчиков. Россия знает в своей истории пример такого лидерства, это эпоха социализма, идеалы которого привлекли многих людей в мире и стали причиной формирования социалистического лагеря стран во главе с СССР.

Глобальные проблемы человечества (рост населения, загрязнение окружающей среды и истощение ее ресурсов, угроза мировых войн и технологических катастроф) — порождение последней версии глобализации. Это проблемы капиталистического способа производства, они связаны с безудержным ростом потребления и погоней за прибылью. Советский социалистический проект сохраняет нереализованный потенциал глобального развития. Именно он в качестве идеалов истории содержал решение глобальных проблем человечества. Этими идеалами остаются рациональное ограничение экономического роста и справедливое потребление. Именно эти идеалы имеют общемировое значение, и благодаря их реализации российская цивилизация и культура могут и должны стать важнейшим источником человеческого развития, залогом успешной конкуренции с Западом и Востоком и основанием доминирования в мире тех стран, которые окажутся в орбите российского влияния. Конечно, советский опыт не может быть просто скопирован хотя бы потому, что этот опыт был скорее негативным, чем наоборот. Развал СССР явился результатом этой негативности, а не происками внутренних или внешних врагов. Но социалистические идеалы, которые впервые были реализованы именно в СССР, не исчерпываются этим опытом. Они сегодня как никогда раньше в той или иной мере проникают как в страны Запада, так и в страны Востока.

Новый социализм ни в коем случае не должен быть понят как очередная утопия или антиутопия. В.И. Вернадский в своей теории ноосферы предполагал, что человеческое общество сможет создать рациональный порядок не только в своих пределах, но выйдет за них в сферу природы и превратит ее случайность в рационально обустроенную необходимость, которая упразднит все случайное

и негативное. Однако до сих пор под контроль разума люди не поставили даже собственные потребности. Социализм стал в умах многих людей опытом ужаса, предсказанного в антиутопиях Евгения Замятина и Джорджа Оруэлла, опытом тотального контроля государства над человеком, чреватого чрезмерным насилием. Только в утопии Олдоса Хаксли, в его дивном новом мире все были счастливы, все происходило в условиях рационально организованного труда и полнейшей гармонии людей как между собой, так и с природой. За эту гармонию была заплачена великая цена — человек перестал быть самим собой, утратил свой разум, свободу и творчество, стал частью рациональной системы, включающей механизм генетической трансформации человека. Пока это единственный пример счастливого исхода для человечества, неуклонно приближающегося к катастрофе. Будет ли социализм связан с этой постгуманистической историей или люди найдут какие-то иные формы спасения, пока неизвестно. Но времени на поиски осталось очень и очень мало. Альтернативы социализму нет, и необходимо, учитывая как прошлый опыт, так и глобальные проблемы человечества настоящего, стремиться сконструировать такой тезаурус и создать на его основе такое общество, в котором социализм будет восприниматься как желанная и спасительная ценность, достижимая в самой ближайшей перспективе.

Библиографический список

1. *Богатырев Д.К.* Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России / Д.К. Богатырев, И.И. Докучаев. — 2-е изд. — СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. — 236 с.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Британское владычество в Индии. Будущие результаты Британского владычества в Индии // Избранные произведения. — М.: ОГИЗ, 1948. — С. 303–316.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

References

1. *Bogatyrev D.K.* Provincialization of the empire. Essays on the history of education in post-Soviet Russia / D.K. Bogatyrev, I.I. Dokuchaev. — 2nd edition. — St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, 2024. — 236 p.
2. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. — M.: Kniga, 1991. — 574 p.
3. *Marx K., Engels F.* British Raj in India. Future results of the British Raj in India // Selected Works. — M.: OGIZ, 1948. — P. 303–316.
4. *Jaspers K.* The meaning and purpose of history. — M.: Politizdat, 1991. — 527 p.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Conflict of interests. The authors declare declares no conflicts of interest.

Financing. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; F.M. Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities.